

Леонид Мачулин
г. Харьков, Украина

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЕ

Харьковская крепость фактом своего рождения обязана двум параллельным процессам: начатой несколькими десятилетиями прежде модернизации Московского царства и национально-освободительному движению украинского народа от польского гнета. Преобразование Харьковской крепости в город формально состоялось по указу русской императрицы Екатерины II и стало возможным благодаря освоению его населением (преимущественно казаками) торгово-хозяйственной деятельности.

Исследование городской культуры Харькова невозможно без понимания факторов социокультурной динамики городской жизни на протяжении определенного времени. Современные украинские города на Левобережье Украины сформировались, в основном, во второй половине XVII–XVIII вв., а их становление имело определенную специфику. На протяжении пяти столетий, начиная с Киевской Руси, основными атрибутами города были его военно-политический и административно-торговый статус. Уже в Киевской Руси города представляли собой незаурядное явление. В источниках того периода упоминается около трехсот (!) городов. В тот феодальный период Русь, безусловно, еще не знала понятия «столица», да и Киев был не столичным градом, а местом «сидения» главного князя. Города представляли собой хорошо укрепленные центры торговли и ремесла, и лишь в двух десятках из 300 находились резиденции уездных князей. «Большинство из них, – пишет Лев Гумилёв, – безусловно, были маленькими поселениями, но среди них были большие города, если судить по стандартам того времени. Совокупное население трех наибольших городов – Киева, Новгорода и Смоленска – составляло, возможно, не менее четырехсот тысяч человек <...> городское население составит тринадцать процентов от общей численности населения, эта цифра значительно выше аналогичной в московский период и схожа только с ситуацией конца девятнадцатого века» [1].

С началом татаро-монгольского нашествия процесс урбанизации на Руси более трёхсот лет был «заморожен». Впоследствии, с освобождением от татаро-монгольского ига и перемещением политико-экономического центра государственного строительства славянского народа в Москву, дальнейшая политика урбанизации славянских земель стала формироваться с учетом военно-политических интересов Московского княжества.

Русские средневековые города в XIV–XV вв. характеризовались преимущественно феодальным землевладением – княжеским, боярским и церковным. А основным признаком успешности города в этот период была принадлежность его Московскому царю. Владея городом, Государь отдавал его с землями в «держание» (военное, белое, оброчное, черное) своим государевым «холопам» – служилым людям и «сиротам» – черным «тяглецам» (представителям не родовой знати). Мелкие собственники городских «данных» земель (т.е. плативших дань за неё) занимались преимущественно ремеслами и торговлей, но не порывали окончательно и с сельским хозяйством.

Переход на новые сельскохозяйственные технологии (введение паровой зерновой ситемы с трехпольным севооборотом, использование сохикосули) привел к перепроизводству. Следствием стало удешевление сельхозпродукции и рабочих рук. Эти два фактора привели к росту численности русских городов в XVI ст. и миграцию в них сельского населения. Одновременно росла роль и влияние «посадских людей» – ремесленников и торговцев, чья честь по царскому судебнику (1550) ценилась в пять раз выше чести и весы «пахотных крестьян».

«Город раннего феодального периода XIV–XV вв. был, прежде всего, укрепленным поселком земель владельцев – феодалов (князей, бояр, монастырей)... Городские стены оберегали от внешнего врага именно эту часть городского населения, а также и его власть над социально зависимыми от него элементами: слугами, крестьянами, городскими ремесленниками. Последние обычно жили в незащищенных слободах, посадах, селах возле города и только в минуты опасности бежали внутрь укрепленных городов» [2, с. 72].

Таким образом, наиболее распространенной целью приобретения двора в городе в рассматриваемый период была необходимость иметь «осадный двор», куда в случае вражеского набега могли бы спрятаться уездные крестьяне вотчин. Городской двор также использовался во время приездов вотчинной власти.

Итак, городские дворы XIV–XVI вв., со временем образующие город, имели значение как военные убежища, центры сельскохозяйственных предприятий, административно-судебные центры государственного значения.

Слободы, поселки или группы поселков, примыкавшие к городам, располагались на собственнических землях. Их заселение проводилось под «девизом» освобождения от холопства и других форм зависимости. Они являлись центрами ремесленной и торговой деятельности и, сохранив своё значение, со временем превращались в посады – поселения подле укрепленного двора (крепости, замка и т.п.).

Возникновение слобод стало возможным благодаря ряду привилегий: отвод владельцам своих земель под слободу, признание личной воли приходивших со стороны людей на поселение, право на самоуправление, на промыслы и рынок, финансовые льготы. До конца XVII в. слободы в Московии по мере укрепления центральной власти теряют свои привилегии, но на Слободской Украине эти привилегии сохранялись еще несколько десятилетий. Одновременно, на посадских людей Слободжанщины – горожан – начинают раепространяться много привилегий, прежде всего – освобождение от повинностей.

Наиболее ранним известным нам примером строительства целого города по заранее разработанному плану служит Тула, которая была заложена по указу Василия III в 1509 г.

Строительство Москвой городов на новых землях, в основном, приходится на конец XVI–XVII вв. Это было связано с военно-политическими и экономическими успехами Московского царства в деле централизации государства; после поражения татарских ханств в противостоянии с Московией, границы русской земли отодвинулись к самому низу Дона и Волги, включали Урал и часть Сибири.

Наученное горьким опытом, московское правительство на присоединенных территориях строило новые города как военные крепости; лишь со временем они трансформировались в хозяйственно-экономические, торговые и культурно-религиозные центры новых земель. «...О постепенности заселения, в сущности говоря, не может быть и речи: русские города и разные типы поселения появлялись почти одновременно на всем огромном пространстве...» [2]. Современные исследователи утверждают, что уже к середине XVII в. у московского правительства была своя, хорошо разработанная стратегия освоения новых земель с методом строительства городов, и их основание шло по заранее разработанным планам [3, с. 11]. Н. Оглоблин, изучая сибирские архивы, обратил внимание на «роспись против черчения», датированную 1668 г., с указанием, где надлежало стоять новым городам [2, с. 2–11]. Практика составления карт градостроительного освоения земель характерна не только для всех новых территорий, присоединявшихся к Москве. В архиве Разрядного приказа значится большое количество такого рода документов [5].

Первая волна освоения земель сопровождалась строительством разного рода временных поселений. В Сибири, например, это были зимовья, небольшие, наскоро поставленные острожки. В зоне степного юга европейской части будущей Российской империи строились поселения типа стани-

цы, разъездной станицы, сторожевого разъезда. Такого же рода временные укрепленные поселения строились по всему Поволжью. Но в скором времени они заменялись городами-крепостями.

Хотя основным типом поселения на новых землях были города-крепости, их население, включая и служащих разных чинов, в свободное время занималось преимущественно земледелием, имея надел в крепости или за её пределами. Эта практика была распространена практически во всех поселениях [6, с. 165–183]. С созданием сети пограничных городов-крепостей, которые надежно обеспечивали безопасность новых земель, возрастало и число городов земледельческого и торгово-ремесленного назначения.

На новых землях градостроительное дело находилось исключительно в руках государства. Благодаря этому она развернулась в невиданном прежде масштабе и проходила непривычно быстро. XVI–XVII вв. стали кульминацией в градостроительной деятельности Московского царства. Такая политика стала адекватным ответом на внешнюю военную угрозу. За указанное время было построено много новых городов. Только в XVI в., с учетом неточностей, эта цифра колеблется в пределах 45–70 городов. В некоторых документах указывалось, что в начале XVII в. (1620 г.) число новых городов превышало 180 единиц, а к середине столетия достигало 226. Только на середину XVII в. приходится строительство 45 новых городов [7]. Основной прирост дали оборонные границы юга, Поволжье и Сибирь [8]. Все они строились по царскому приказу, по заранее разработанному плану, с применением сметной росписи и чертежей, что подтверждается архивной документацией Разрядного и Сибирского приказов [9].

Удивляет не только число сооруженных и перестроенных городов, но и скорость, с которой эта работа осуществлялась. Большие города-крепости возводились за полтора-два года, а малые города – всего за 2–3 недели [10, с. 50].

Следует отметить, что градостроительная политика Московского царства распространялась не только на новые земли, но и на старые города Руси: Белгород, Старую Русь, Елец, Курск, Рыльск, Большой Устюг, которые постепенно перестраивались.

Случаи самовольного строительства городов довольно редки, однако они были, что вызвало недовольство Москвы. «Так как Роговой городок был основан без указа из Москвы, то не только пустозерский воевода получил за это выговор, но и самый городок было запрещено впредь посещать ради торговли, и он... запустел...» <...> «... Лозвинскому городу впредь не быти, а быти ему разорену, а на его место на верхотурской дороге быти городу на

старом Иоцком городище...» <...> «Тот город и острог пригодится к старому пелымскому городу на поделку или на хормную ставку...» [11, с. 200–201].

В Европейской части России почти всюду осваивались открытые степные районы. Для защиты их от набегов ногайских и крымских татар, ту-рок Московское правительство вынуждено было сооружать дополнительные препятствия в виде защитных линий – «засечных черт», прикрывавших от набегов степной юг и большие районы на востоке вдоль Волги, Камы и на Переднем Урале. Приказы заранее проектировали всю оборонительную систему новоземельных районов европейской части страны. Специалисты планировали не только расположение городов в виде больших и малых (промежуточных) крепостей, но и «засечных черт» со всеми их сооружениями, которые должны были простираться на много сотен верст. Предполагалась и очередность их строительства по мере освоения новых районов.

Как и города-крепости, оборонительные сооружения «засечных черт» строились по заранее разработанным чертежам, довольно точным, особенно когда это касалось возведения земляных валов на регулярный «голландский» манер. Такого рода сложные и многокилометровые сооружения требовали тщательно составленных смет, так как расходы на них были немалыми. Это была еще одна сфера проявления процесса модернизации – организованное строительство под контролем государства «по указу» с применением проектных чертежей и сметных «росписей» по европейскому, «цивилизованному» образцу. На «засечных чертах» стояла масса «крепостиц», предназначенных лишь для размещения дежурных гарнизонов. Крепости были при слободах, селах и других типах поселений. Со временем только некоторые «крепосцы» превратились в большие опорные военные пункты [12, с. 284–296].

Белгородская «черта», строительство которой завершилось до 1653 г., имела важное значение для внешней и внутренней политики России. Она позволила закрыть русские земли от татарских набегов, заселить большие южные районы и подготовиться к войне с Польшей в 1654–1667 г.: в отличие от Смоленской войны 1632–1634 г. южный фланг русских войск был надежно защищен нововыстроенным оборонительным сооружением.

Строительство Белгородской линии создало благоприятные условия для дальнейшего освоения южных окраинных земель, за которые в скором времени закрепляется название Слободской Украины. Этому процессу содействовало самовольное переселение с востока в 30-х годах XVII в. многотысячного отряда украинцев из Литвы и Польши. Ситуация была использована московским правительством для создания новых укрепленных районов на пути крымцев и ногайцев, ходивших через эти земли в централь-

ные районы Московии. Правительство всячески оказывало содействие украинцам в переселении их на южные и юго-западные границы. Прибывшее население пользовалось многочисленными «жалованными» привилегиями: получало значительные наделы земли, освобождалось от налогов и податей, пользовалось правом «заимочного» владения разными угодьями. Одной из главных привилегий, «дарёное» украинским переселенцам московским царём, было сохранение традиционного казацкого самоуправления на полковой основе.

Приток населения на «пустопорожние» земли создавал условия для строительства новых и расширения существующих городов и слобод. За полстолетия на территории слободских полков было основано свыше трехсот разных поселений. В 1654 г. мужское население Слободской Украины составляло больше 80 тыс., а общее число жителей – около 200 тыс. чел., из которых 15% приходилось на долю горожан. Это было приблизительно в пять раз больше, чем в среднем по европейской части России. К середине 50-х годов XVII в. были построены такие города-крепости, как Чугуев, Сумы, Ахтырка, Лебедин, Харьков, восстановлен Царёв-Борисов, основан Маяцкий городок, Тор – центр добычи соли и др.

И хотя споры о точной дате основания Харькова не утихают, очевидно, что город как крепость имеет точную дату своего появления и назначение – оборонительное: «Новое поселение на земле, которая находилась под контролем чугуевского воеводы Григория Спешнева, казаки в 1654–1656 годах обнесли, руководствуясь выданным им чертежом, земляным валом. <...> 28 марта 1656 года царь Алексей Михайлович подписал Указ, которым основал Харьковское воеводство, и направил туда воеводой Воина Селифонтова «со служилыми людьми» [13, с. 12].

Новому воеводе был дан царский приказ построить «добротный острог» (т.е. крепость). Прибыв на место, Воин Селифонтов нашел сооружение поселенцев ненадежным и потребовал перестроить острог. Этот факт показывает, насколько строго московское правительство относилось к качеству защитных сооружений и своеволию новых поселенцев.

Кстати, некоторые исследователи рассматривают основание Харькова не в качестве форпоста московского царства, а сразу в качестве торгового города только на том факте, что через несколько лет после возведения крепости его население получило право на проведение ярмарок и торгов [14, с. 347]. Такой подход, на наш взгляд – ошибочный, поскольку изначально назначение харьковской крепости было оборонным и таким оставалось более полвека. Не относим же мы Чугуев, Змиев, Ахтырку, Изюм или

другие крепости и слободы к торговым городам только на том основании, что там также проходили ярмарки?!

Земли слободских полков, которые вначале были своеобразным военным плацдармом на южном направлении, уже в 70-х гг. XVII в. стали играть новую роль в государственном строительстве – они вошли в число основных районов-поставщиков хлеба. Всего за полвека на Слобожанщине значительно развились цеховое ремесло и торговля. На наибольшие Харьковскую и Сумскую ярмарки приезжали не только московские, но и купцы из-за границы – польских городов Шленска, Гданьска, немецкого Лейпцига и др. На Слобожанщине развивалось производство селигры. В иареких угодьях, занимавших часть слободских земель, выращивались виноград, арбузы, размещались пасеки и «государевы ловы».

В 70-е годы XVII ст. над краем нависла военная опасность. В связи с московско-турецкой войной союзники Турции – крымские татары активно стремились вторгнуться в пределы Московии. Правительство приняло решение продлить Белгородскую линию по территории Слобожанщины. Новое строительство превратилось у сооружение 530-километровой оборонительной линии, протянувшейся по рекам Валую, Осколу, Северскому Донцу и Мже к верховью реки Коломак. К строительству линии правительство привлекли, в том числе казаков Харьковского полка под руководством полковника Григория Донца. Основные работы были закончены к 1681 г. Изюмская линия прошла через построенные прежде города к самой южной на то время точке Московского царства – крепости Царёв-Борисов. Её возведение позволило в условиях военного времени практически за два строительных сезона создать большой фортификационный комплекс в составе 20 городов и укрепленных слобод, расположенных на расстоянии 20–30 км один от другого.

Важное значение, при строительстве Изюмской линии, отводилось равномерности заселения всех её участков, вплоть до принудительного переселения «строителей» на малопригодные в хозяйственном отношении земли. В результате фортификационно-градостроительной деятельности во второй половине XVII в. южнее Белгородской линии появляется новый плотно заселенный район. Он отличался рациональной системой размещения поселений, которая базировалась на групповом (вокруг полковых городов), и полосном расселении – вдоль «засечной» линии.

Историческая ситуация на южных границах Московского государства к середине XVII ст. и последующее воссоединение т.н. Малороссии и Московского царства объясняет действия центрального правительства. Много городов за Белгородской линией, а некоторые и в её границах, строились

украинскими переселенцами под руководством московских воевод, назначаемым центральным правительством. Города Слободской Украины имели двойное назначение: они служили, с одного стороны убежищем для населения, искавшем лучшей судьбы от притеснений польско-литовских господ, а с другой являлись опорными пунктами обороны южных и юго-западных рубежей Московского государства.

Заселение новых территорий и значительный рост населения, с одной стороны, а также двойное управление населенными пунктами (полковое устройство и московская подчиненность), с другой, привели к тому, что в конце 1680-х гг. московское правительство вынужденно было совершенствовать управление пограничными территориями. С этой целью была создана специальная управа – Приказ, которой передавалось в управление всё население полковых городов – Ахтырского, Сумского, Харьковского и Изюмского. Впрочем, Приказ просуществовал недолго – только до рубежа столетий. Первой административной реформой Петра I относительно городов было создание особого ведомства – Московской ратуши, которая ведала всеми городскими ратушами московского царства (1699). Ратуша контролировала поступление денежных средств в казну из городов, а также осуществляла общий надзор за органами самоуправления – там, где они были. Во главе Ратуши стоял обер-инспектор ратушного правления. Указами Петра I вводилось самоуправление для городского купечества. Отменялась власть воевод. Судебными делами и сбором налогов стали ведать выборные бурмистры.

В Слободской Украине эта административная реформа вошла в конфликт с полковым устройством городов. Как известно, московское правительство еще в середине XVII ст. предоставило ряд экономических и политических льгот новым территориям. В том числе – «полковое устройство», согласно которому населением города и слобод, находившихся на землях казацкого полка, управлял полковник и казацкая старшина. Одновременно в этих же населенных пунктах проживали подданные московского царя – купцы, «служилые люди» и др. Управлял ими воевода, который назначался из Москвы. Он оледел за соблюдением «царских указов», сбором налогов и др. Естественно, жизнь не вкладывалась в простую схему «свой-чужие», и потому конфликт интересов между полковником и воеводой был перманентным.

Новая реформа поделила слободских казаков на «выборных» – тех, кто ходит в походы и несет службу, и тех, кто постоянно остается на месте дислокации. Последние назывались «подпомощниками», в их обязанность входило вещевое и продовольственное обеспечения «выборных». Избегая го-

родских повинностей, которые накладывались московским воеводой на мещан (цеховиков, купцов и др.), практически все харьковчане легально записались в «подпомощники». За короткое время мещан в городе не осталось и поэтому у воеводы почти не осталось вверенного ему «населения». Чтобы не углублять конфликт, а также имея ввиду возможные военные действия со Швецией, Петр I издал указ от 28 февраля 1706 г., которым велел воеводам и «приказным людям» покинуть полковые города, а городские здания, дела, ключи, «зелеиную и свинцовую казну» (порох и ядра), принадлежавшие правительству, передать Харьковскому полковнику. Подданные московского царя – 164 мужчины, проживавшие в Харькове и ближних слободках (Тишки, Борщовое, Липцы), были переданы в подчинение полковнику Донец-Захаржевскому, а других населенных пунктов – чугуевскому воеводе.

Вместе с должностью воеводы была введена должность городничего для администрирования системой жизнеобеспечения – санитарным состоянием, благоустройством, тюрьмой, торговлей, таможней, и т.п. [13, с. 41]. Первым городничим в Харькове стал в 1706 году Тимофей Голухович. Это он по доверенности Петра I укреплял Харьковскую крепость накануне Северной войны. В 1709 году, инспектируя окраины империи, Петр I прибыл в Харьков. Осмотрев крепость, он распорядился укрепить её, а также построить новый острог. Наверное, новая должность и персонально её выборный подошли харьковцам, поскольку Тимофей Голухович вместе с сыном Леонтием (городничий в 40-х гг.) управлял «городеким хозяйством» почти полвека.

В конце второго десятилетия Петр I провёл еще одну реформу казачьего (читай – городского) самоуправления. Согласно Указу от 29 мая 1719 г. полковник, который к тому времени избирался полком, дополнительно утверждался в Москве. В случае несогласия с кандидатурой старшины и казаков, царь сам назначал полковника. В скором времени назначение полковников московским царём стало правилом, а не исключением, но казачья старшина, к тому времени уже разбогатевшая на Слобожанщине, была не в состоянии протестовать.

Аналогичная ситуация сложилась и в последнюю четверть XVIII в. Екатерина II продолжила модернизацию системы государственного управления Российской империи. Она провела административную реформу (1775), согласно которой крупные и целесообразно размещенные города, приобрели статус губернеких. При Екатерине продолжилось укрепление самодержавия, усиление бюрократического аппарата, централизации государства и унификация системы управления. И хотя городское устройство екатерининского образца оставался неизменным до конца XIX в., историки утвер-

ждают, что в России, несмотря на значительное количество городов, не было полноценного городского общества. При этом они, прежде всего, имеют ввиду города, жившие по Магдебургскому праву. Согласно ему, экономическая деятельность, имущественные права, общественно-политическая жизнь и сословное деление горожан регулировались собственной системой юридических норм, что отвечало роли городов как центров производства и товарно-денежного обмена.

В конце XVIII в. территория нынешней Украины была поделена между империями – Австрийской (20% площади) и Российской (80%). Число городов в России еще больше возросло. Таким образом, за полтора века Россия пережила «урбанистический бум», в том числе – за счет Слободской Украины, когда вчерашние крепости и полковые городки пополнили реестр русских городов. Всего за время правления Екатерины (1762–1796) было построено 144 новых города. И хотя целевое назначение этих городов значительно отличалось от появившихся при Алексее Михайловиче, «урбанистический бум» взят в кавычки потому, что это был искусственный «рост».

Вопрос о причинах возникновения городов в исследуемый нами период дискутируется с начала XX в. Так, Милюков П.Н. [15], к позиции которого мы склоняемся, считал, что русский город не был естественным продуктом внутреннего экономического развития страны. За единичными исключениями, русский город возникал не в месте сосредоточения населения, занятого промыслами и торговлей, а был, прежде всего, центром правительственной и военной администрации.

Ряд историков придерживается другой концепции появления и развития городов в рассматриваемый период. Они считают, что существовала объективное экономическое основание возникновения городов, как центров товарного производства всюду, где властвовал феодализм. Приверженцы этой концепции утверждают, что «искусственно существующих городов быть не может». По их мнению, созданные для государственных целей города со временем исчезли. Но, таким образом, ими отрицается роль государства в создании средневековых городов и сами факты строительства новых городов-крепостей на Левобережье и Юге Украины и т.д.

XVII–XVIII вв. – период бурных перемен на территории Московского царства и Российской империи. За полтора века её площадь выросла в несколько раз. Соответствующими темпами происходили и социокультурные изменения. Ярким примером тому служит Харьковская крепость. Если первые ярмарки здесь были разрешены при отсутствии налаженной тор-

говли, то через несколько десятков лет именно они помогают городу изменить свой статус.

Известное выражение «Харьков – город купеческий» справедливо связывают с ярмарочной торговлей, сыгравшей выдающуюся роль в истории города. Первым, кто определил роль и значение украинских, в том числе харьковских ярмарок, дал им историческую оценку, был, как ни странно, писатель – Иван Сергеевич Аксаков. В московском журнале «Русская беседа» в 1858 г. он показал роль торговли в развитии Слободского края [16, с. 87]. Его обзор условно разделен на две части. В первой описываются места проведения ярмарок, во второй прослеживается движение основных товаров – кто торгует, откуда привозят, кто покупает, сезонные колебания и т.п.

Об определяющей роли ярмарочной торговли в трансформации полкового города в губернский центр писал также Д.И. Багалей. Он осветил многие вопросы, в том числе главный – почему на протяжении двухсот лет харьковские ярмарки выжили и продолжают приносить деньги в город [14, с. 20].

Оба исследователя указывают важный для развития Харькова факт: местные жители получили разрешение на проведение ярмарок почти одновременно со строительством крепости. Переселенцы принесли на новую родину «зачатки» ремесленной, промышленной и торговой деятельности, ведь они прибыли не с «дикого Запада», а из «европеизированной» Польши, где, как известно, много городов пользовались Магдебургским правом. Вместе с казаками переселялись и простые мещане, развившие привычки своей хозяйственной деятельности на Слобожанщине. Причем, в тот период, как отмечал Багалей, «масса населения была еще недифференцированной», т.е. не существовало строгого распределения на казаков и торговцев – все занимались, по возможности, и тем, и другим, льготы распространялись на всё население.

Анализируя социокультурную динамику на Левобережье Украины в XVII–XVIII вв. в целом, выделим следующие виды социокультурной трансформации. Во-первых, изменился функциональный профиль территории и, вследствие этого, ролевого профиля поведения людей на данной территории. На месте т.н. «дикого поля» приблизительно за сто лет образовался плотно заселенный район, в котором были представлены почти все виды человеческой деятельности. Во-вторых, изменилась социальная структура населения: полуказаки – полуаграрии за полтора века стали аграриями, ремесленниками, торговцами, регулярными воинами, мещанами и т.д. В-тре-

тых, произошло изменение значений и содержаний, которыми обладают предметы, территории, ситуации – всей архитектонике городской среды. В Харькове с ликвидацией казацкого самоуправления военный быт постепенно заменялся хозяйственно-ремесленным, что находило отражение в культуре как городского, так и крестьянского населения. В четвертых, на довольно компактную территорию прибыло население с разными социокультурными характеристиками. Это имело следствием рождение мультикультурного городского общества. В пятых, социокультурная трансформация всей территории вообще и городов Левобережья в частности, характеризуется демографическими изменениями – составом населения вследствие рождения, старения, вступления в брак и т.п. В шестых, состоялась территориальная трансформация – изменились количественные и качественные параметры Левобережья вообще и всех её городов: площади, плотности населения, интенсивности застройки и т.д. и т.п.

Перечисленные выше процессы урбанизации Левобережья Украины, наряду с процессами модернизации Московского царства – Российской империи, стали факторами, определившими формирование городской культуры Харькова и других её городов.

Список литературы: 1. Гумилев Л. Экономические основы Киевской Руси [Электронный ресурс] / Л. Гумилев – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/VGV/vgv205.htm>. – Загл. с экрана. 2. Оглоблин Н. Источники чертежной книги Сибири Семена Ремезова / Н. Оглоблин // Библиограф. – 1891. – № 1. – С. 2–11. 3. Буцинский А. Заселение Сибири и быт ее первых насельников / А. Буцинский. – Харьков, 1889. – 345 с. 4. Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв. / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. – М.: Стройиздат, 1994. – 318 с. 5. Культурологія: теорія та історія культури. За ред. І.І. Тюрменко, О.Д. Горбула / Київ: Центр навчальної літератури, 2004. – 368 с. 6. Семенов-Тян-Шанский В. Город и деревня в Европейской России : очерк экономической географии с 16 картами и картограммами / В. Семенов-Тян-Шанский // Записки Императорского Русского географического общества. – СПб., 1910. – Т. 10, вып. 2. – 110 с. 7. Невоялин К. Полное собрание сочинений. Т. 6 / К. Невоялин. – СПб., 1859. – 643 с. 8. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I / Г.Ф. Миллер. – М.: Л., 1937. – 607 с. 9. Оглоблин Н. Источники чертежной книги Сибири Семена Ремезова / Н. Оглоблин // Библиограф. – 1891. – № 1. – С. 2–11.

10. Алферова Г. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI–XVII вв. / Г. Алферова // Вопр. истории. – 1977. – № 7. – С. 50–66.
11. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции: документы Разрядного приказа. – М., 1894. – 161 с.
12. Орлова Э.А. Современная городская культура и человек / Э.А. Орлова. – М., 1987. – 264 с.
13. Багaley Д.И. История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905 год). В 2 т. Т. 1 / Д.И. Багaley, Д.П. Миллер. – Репр. изд. – Харьков, 1993. – 568 с.
14. Багaley Д.И. Краткий исторический очерк торговли, преимущественно ярмарочной, в Харьковском крае в XVII и XVIII вв. / Д.И. Багaley. – Харьков, 1888. – 25 с.
15. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого / П.Н. Милюков. — СПб., 1905. – 700 с.
16. Аксаков И.А. Украинские ярмарки / И.А. Аксаков // Русская беседа. – М., 1858. – Кн. 10, ч. 2. – С. 85.